ЛИЛИЯ ОРЛАНД

Попаданка на службе Российской империи

Книга 2: Наука обманывать.

Лилия Орланд

Попаданка на службе Российской империи-2: Наука обманывать

«Автор»
2026

Орланд Л.

Попаданка на службе Российской империи-2: Наука обманывать / Л. Орланд — «Автор», 2026

1811 год. Нам с поручиком Коршуновым предстоит пройти путь от Вильны до Смоленска, чтобы собрать все части завещания Суворова. И пусть кажется, войну уже нельзя отменить, но её ещё можно выиграть. По крайней мере, мы попытаемся!

© Орланд Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1 6
1 7
2 9
3 11
4 13
5 15
6 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Лилия Орланд
Попаданка на службе Российской империи-2: Наука обманывать

1

Первую книгу можно прочитать здесь: https://www.litres.ru/static/reader/text/index.html?art=74704849

1

В город мы въехали к полудню.

Вильна расположилась меж двух холмов и открылась передо мной сразу, как на ладони. От неожиданности я даже приподнялась на сиденье – уж слишком Вильна отличалась от других городов Российской империи. Она была словно нарочито чужеродной: костёлы с крестами, сплошная черепица и теснота, но при этом красивой.

– Чудесный город, – произнесла я, делясь впечатлением с Коршуновым.

Он натянул поводья, лошади встали, и меня от движения кинуло назад на сиденье. Поручик обернулся.

– Чудесный, – хмыкнул он, – но не вздумайте восхищаться им вслух, особенно по-русски.

Чем ближе мы подъезжали, тем яснее я понимала, что имел в виду Коршунов.

На заставе солдат в русском мундире проверял нашу подорожную, а рядом два поляка в четырёхугольных шапках-конфедератках из чёрного фетра громко говорили по-французски. Так громко, что солдату пришлось повторить дважды:

– Проезжайте, ваше благородие.

Уланы в синих куртках шли навстречу и буквально ощупали нас с Коршуновым взглядами.

– Опять русский курьер, – произнёс один из них по-французски и сплюнул на дорогу.

– Куда они всё прутся! – ответил второй.

Я поёжилась. Вильна встречала нас не слишком дружелюбно. И вообще, пограничный город жил так, словно война застыла на пороге, а то и вовсе уже идёт, просто ещё не стреляют. Причём сразу было понятно, в кого начнут стрелять в первую очередь.

Не слишком ли самонадеян был Суворов, решив отправить сюда один из ключей? Этим вопросом я поделилась с поручиком, когда мы немного отъехали.

– Запомните, Пафнутий Феофилактович, – Коршунов снова обернулся ко мне, – в Вильне не бывает случайных разговоров. Каждое обронённое слово должно ударить. Думайте, прежде чем что-то сказать. Здесь полно иностранных агентов и ещё больше – их родственников, друзей и сочувствующих.

– Мы тоже агенты, – я улыбнулась, пытаясь пошутить. Уж слишком жутко это звучало.

– Мы военные курьеры по инженерной части, это ещё хуже, поверьте. И внимания мы привлечём куда как больше.

Как и всегда, Коршунов оказался прав.

Мы выбрали гостиницу недалеко от заставы. Не слишком дорогую, но и не самую дешёвую. Как раз такую, чтоб Луковский мог себе позволить. Вывеска на немецком языке обещала чистые комнаты, хорошую прислугу и отсутствие клопов.

Я повелась на это обещание.

Внутри всё выглядело вполне прилично, если не считать того, как смолкли разговоры, когда я вошла в обеденную залу. За столами сидело с десяток человек. Меня окинули внимательными, разбирающими на запчасти взглядами и продолжили разговоры – вдвое громче и по-французски.

Я хотела усмехнуться про себя, показать хотя бы себе самой, что меня не трогает нарочитая враждебность. Однако здесь, под прицелами неприязненных взглядов, я почувствовала себя одиноко и неуютно.

Скорей бы пришёл Коршунов!

Словно услышав мою просьбу, поручик вошёл в зал. Оглянулся, оценил обстановку. Его спина будто одеревенела, когда он направлялся ко мне, губы сжались в тонкую линию. Зато

французская речь, перемежаемая польскими оскорблениями, стала куда как тише. А я повеселела.

Подошедший с подносом половой, прежде чем составить на стол тарелки, вдруг поинтересовался:

– Пане, надолго приехали?

Коршунов напрягся. Я понимала, что официант, скорее всего, не по своей воле проявляет любопытство, и, не желая провоцировать конфликт, вежливо ответила:

– Пока не знаем.

– А в сторону Ковно случаем не собираетесь? – он продолжал допрос.

– Любезный, борщ наш стынет, подавай сюда, – не выдержал Коршунов, в голосе которого прорезались рычащие нотки.

На лице полового проступила улыбка, не особо искренняя, но нам уже было не важно. Перед каждым появилась тарелка борща, общая миска со сметаной, корзинка с ржаным хлебом.

Я посмотрела на обтянутую тёмным сюртуком спину полового и покачала головой. Коршунов уже взялся за ложку, зачерпнул насыщенно бордовый бульон и отправил в рот.

– Надеюсь, в тарелки нам не плюнули, – произнесла я, перебирая содержимое своей порции – свёкла, капуста, грибы. Картошки заметно не было.

Поручик гулко сглотнул и укоризненно посмотрел на меня.

– Извините, это я от нервов.

Чтобы загладить свою вину, я тоже зачерпнула борща и поднесла ко рту, перед этим понюхав. Потом вспомнила слова Коршунова о моих привычках и отправила ложку в рот.

– Хм, довольно неплохо, – похвалила я.

– Надеюсь, нам не плюнули в тарелки, – вернул поручик мою колкость.

– Я тоже, – усмехнулась в ответ.

На второе принесли колдуны, щедро политые сметаной и маслом.

От еды я слегка расслабилась и вытянула ноги, ткнув ими по сапогам Коршунова. Снова извинилась и передвинула вбок. Теперь мои сапоги торчали из-под стола, привлекая взгляды. Пришлось вернуться к не слишком удобному положению.

В Вильне инженер Луковский привлекает к себе чересчур много внимания каждым жестом или движением. Помня о старой шпионкой школе, где это всё запоминают, я подумала, что Пафнутию Феофилактовичу не место на границе.

Это в Петербурге он был одним из многих, а здесь со своими длинными ногами торчал, словно верстовой столб, заметный отовсюду. Пожалуй, пришла пора и с ним попрощаться.

2

Комната и вправду оказалась чистой, как и постель. Я сняла сюртук, скинула сапоги и легла. Коршунов сказал, что походит по городу, присмотрится, а я могу отдохнуть.

Мне даже в голову не пришло спорить.

Проснулась от стука в дверь. В комнате уже было темно. Я, зевая, села на кровати.

– Кто там?

– Это я, Пафнутий Феофилактович, открывайте, – ответили из коридора голосом Коршунова.

Я прошлёпала босыми ногами по чисто выметенному полу и распахнула дверь. Поручик держал в руках поднос, от которого вкусно пахло жареной курицей. Это заставило меня пошевеливаться.

Я зажгла свечи и закрыла окно, после захода солнца на улице стало прохладно.

Коршунов составил с подноса блюдо с курицей и жареными овощами, хлеб, кислую капусту и две тарелки. Я заняла место напротив, с аппетитом принимаясь за еду. Всё же наедине с поручиком трапеза была намного приятнее, чем в общей зале.

– Как прогулялись? – поинтересовалась я, прежде чем отщипнуть кусочек куриной грудки.

– Грабовские живут в шести верстах от города, усадьба называется Залесье, – он сразу начал докладывать. – Семья небольшая: граф Казимир Станиславович Грабовский и его дети. Адам, старший, служит в уланах, не скрывает профранцузских взглядов и ждёт Наполеона, как рождественского сочельника. Ядвиге Казимировне – восемнадцать, но замуж не выходит, держит траур по матери. Графиня по рождению была русской, говорят, умерла от грудной жабы.

– Говорят? – я расслышала язвительную нотку, когда Коршунов произнёс это слово.

– Слухи разные ходят, надо бы в людскую попасть и там порасспрашивать.

– И как нам туда попасть? – поинтересовалась я вслух, перебирая варианты. – Луковскому там делать нечего. Раз Адам против русских, остальные тоже могут поддерживать французов. Вряд ли они обрадуются курьеру военного министерства.

– Да, нашей подорожной там светить не стоит, – согласился поручик.

– Нужен повод попасть в дом, такой, чтобы нам не могли отказать.

Я сняла с шеи цепочку и открыла медальон. Коршунов согласно кивнул.

– Пора выводить нашу барышню в свет.

– Пора, только кто её будет сопровождать? – усомнилась я. – Вы не особо походите на моего брата. Жаль, что в нашей компании внешность умею менять только я.

– Ага, жаль, – без малейшего сожаления согласился поручик и отломал себе второе крылышко. – Надо придумать легенду.

В идеале Александра Петровна Сиверцева должна была путешествовать со своим братом, но я вряд ли сумею изображать обоих одновременно. Придётся Алексею приехать позже или часто отлучаться по делам, так, чтобы я могла ссылаться на него, при этом оправдывая отсутствие.

Но в таком случае мне нужна компаньонка. И на эту роль Коршунов тоже не годился. Я хмыкнула, стоило представить его в чепце вот с таким хмурым выражением.

– Я буду вашим телохранителем, – сообщил он, коротко усмехнувшись шутке про компаньонку.

– Телохранителем? – мне понравилось, как это звучит.

– Меня нанял ваш брат, я отставной унтер-офицер, служил вместе с ним в Измайловском полку. Мы достаточно далеко от столицы, чтоб это проверить. А если кто и запросит информацию, пока она дойдёт сюда, мы уже достанем ключ и уедем.

– Я согласна на телохранителя, особенно в такое неспокойное время. Спасибо милому братцу, что заботится о моей безопасности, – произнесла я, жеманясь, а потом добавила уже нормальным голосом: – Но компаньонку всё равно придётся искать. Даже если моя предыдущая потерялась по пути в Вильну.

– Об этом я позаботился, – Коршунов бросил кость на блюдо и, напрасно поискав ещё что-нибудь съедобное, печально вздохнул.

Знаю, что барышни должны клевать по ползёрнышка и питаться солнечным светом, но наедине с поручиком я не скрывала аппетит, поэтому задорно хрустела капусткой, ожидая, когда он продолжит.

Оказывается, Коршунов успел навестить местного связного, держащего мясную лавку. И тот пообещал добыть мне дальнюю родственницу, какую-нибудь обедневшую дворянку с воспитанием и манерами, которая поможет Александре Сиверцевой сохранить репутацию.

Вообще, в легенде, которую мне показывал Винокуров в особняке, говорилось, что матушка Сиверцевых родом из западных губерний. Поэтому наш с братом приезд в Вильну вполне оправдан, мы можем искать родственников или могилу бабушки, или ещё что. К тому же наша матушка очень удобно умерла, и теперь у меня с Ядвигой Грабовской есть нечто общее, что несомненно должно нас объединить.

– Кстати, через мясника можно передать наше донесение. Это надёжный агент, – Коршунов вдруг сменил тему.

Я напряглась. О том, что случилось с нашим отчётом, напарник не знал. Сначала как-то не было времени обсудить, а потом я по наивности понадеялась, что оно само собой рассосётся.

И вот же, не рассосалось.

– Понимаете, Дормидонт Фокич, – я отодвинула капусту, потерявшую привлекательность, – тут такое дело… Не сохранилось наше донесение, сгорело. Новое надо писать.

Коршунов только приподнял бровь, ожидая объяснений. И я открылась.

– Ну нельзя нам сейчас всё это по цепочке отправлять, даже урезанную версию.

Поручик с полминуты смотрел на меня, затем покачал головой.

– Что-то отправить придётся, давайте подумаем, что не помешает нашим планам и не подставит под удар.

Ещё с час или больше мы писали новое донесение, сначала черновик, который вышел густо исчёрканным поправками. Затем – чистовое письмо, куцее и втрое урезанное, поместившееся на одной странице.

– Николай Николаевич не сочтёт это издёвкой? – я с сомнением перечитала строки.

Коршунов вздохнул.

– Будем надеяться, он поймёт, что у нас есть причины быть краткими.

3

Утром инженер Луковский заплатил за комнаты, сел в экипаж и укатил в сторону Ковно на глазах того самого полового, что спрашивал о наших намерениях. Не знаю, чего он опасался, но мы с поручиком решили подыграть. Если что, пусть нас ищут там, где точно не найдут.

Проехав несколько вёрст, мы свернули в лес, и там попрощались с Пафнутием Феофилактовичем. Я наконец избавилась от опостылевшего мужского облика и стала собой. Ну почти собой, с некоторыми улучшениями.

Александра Петровна Сиверцева совсем не походила на женщину двадцать первого века, она была истинной кисейной барышней, а я наконец поняла, что это значит.

Я наблюдала, как кожа становится нежной, почти прозрачной и ещё бледной. В это время загар у дворянки являлся едва не оскорблением для общества. Лицо стало чуть уже, хотя щекам я придала немного юношеской пухлости, ведь по легенде мне восемнадцать, как и Ядвиге Грабовской. Вот ещё одна точка соприкосновения.

Может, брат намеренно вывез меня в Виленскую губернию, чтоб подыскать подходящую партию. Мало ли, не хотел выдавать за столичного графа, искал поближе к границе. Такие намёки я думала рассыпать в случае, если все Грабовские окажутся настроенными против России. Пусть думают, что и мы с братом из тех, кто ожидает прихода французов.

Убедившись, что соответствую портрету, я переоделась в простое дорожное платье и плащ с капюшоном. Коршунов в это время менял казённую упряжь на добытую Мясником.

Закончив, я вышла наружу, чтобы проветриться и помочь поручику, если ему нужна помощь.

– Владимир Александрович, – позвала его.

Коршунов обернулся. Взгляд зацепился за рассыпавшиеся по плечам волосы, скользнул по щекам, словно лаская их. Это длилось не больше мгновения, затем поручик опомнился и отвёл взгляд.

– Хороша Александра Петровна? – не удержалась я от подначки, уж слишком понравилось, как Коршунов смотрел.

– Ваш истинный облик куда как лучше, – вдруг возразил он и отвернулся, принявшись возиться с упряжью.

А у меня на душе стало тепло и легко, и отчего-то захотелось танцевать.

Больше мы не обсуждали мою новую внешность, да и старую тоже. Мы вообще не говорили. Поручик нацепил на себя прежний сдержанный и невозмутимый вид, но я всё равно не могла сдержать улыбки.

Мы объехали город кругом и на этот раз прибыли с другой стороны и под другими именами. Я глубоко надвинула капюшон, пока уланы, изучали наши подорожные. Коршунов позаботился и о них.

По легенде на этот раз мы были мужем и женой на сносях, поэтому из экипажа я не выходила. К счастью, они не стали требовать, поверив оси и подковы у лошадей, нас пропустили в Вильну.

Гостиницу в этот раз выбрали классом повыше. И хотя сегодня прибыла дама инкогнито, а не Александра Петровна Сиверцева, но именно она выйдет завтра отсюда. Когда появится обещанная компаньонка.

А пока нам с Коршуновым придётся делить номер на двоих.

И это даже хорошо, потому что нам нужно поговорить. Несмотря на моё отношение к поручику, несмотря на весь его опыт и всю пользу, которую он приносил… Я считала, что в Залесье мне следует ехать без Коршунова.

Ведь это я легко могу сменить внешность и стать, кем угодно. А поручик всегда и при любых обстоятельствах оставался самим собой. Нас видели вместе и на заставе, и в гостинице. Нет, конечно, сначала он сопровождал курьера Луковского, затем – беременную женщину. Но тем не менее он делал то, что становилось опасным – связывал все мои личины воедино.

А ведь мы не знаем, что ожидает нас в Залесье. Если там царят антироссийские взгляды, туда может быть вхож кто-то из тех, кто успел заметить Коршунова. Это вызовет вопросы и поставит под сомнение мою легенду.

А я не хотела ею рисковать.

– То, что вы предлагаете, сущее безумие! – возмутился поручик. – Одну я вас туда не отпущу!

– Я буду не одна, завтра приедет моя компаньонка.

– Мы уже решили вчера, что я стану вашим телохранителем, – продолжал настаивать он. – Так и сделаем!

– Послушайте, Владимир Александрович, – я говорила мягко, понимая, что он беспокоится обо мне, поэтому и спорит. – В усадьбе вы всё равно не сможете постоянно находиться рядом. И одной мне будет сподручнее подобраться к Ядвиге. Пока именно она видится той, через кого можно разведать обстановку и узнать, кто из семьи является хранителем ключа. И является ли вообще. Потому что после приезда в Вильну я начала сомневаться, что здесь могут сохранить нечто, что пойдёт на пользу России.

Да, я попыталась перевести разговор, но Коршунов не поддался. Мы спорили больше часа, я устала, подбирая аргументы и повторяя их до тех пор, пока поручик не сдался.

Он сразу понял, что я права, но отпустить меня одну – это претило его устоям. Если бы я и на этот раз изображала мужчину, думаю, он бы отступил гораздо раньше. Потому что женщина в это время была намного уязвимее.

– Я не настолько беззащитна, как вы думаете, Владимир Александрович. Вы же сами меня учили. Грош цена вам, как учителю, если я не справлюсь с этим заданием.

Ироничный тон не помог. Коршунов глядел мрачно.

– Я буду поблизости, – пообещал он. – И мы станем держать связь каждый день! Пообещайте мне.

– Обещаю, – произнесла я со всей возможной серьёзностью.

Но про себя улыбалась.

4

Утром мне принесли платье. На самом деле Мясник подсуетил небольшой гардероб – даже не представляю, сколько это могло стоить за столь короткий срок. Видно, виленская ячейка давно скучала и была рада наконец заняться делом.

Большая часть одежды ждала в сундуке, уже закреплённом на экипаже, в номер мне доставили лишь одно платье. А вот о горничной Мясник не подумал. Мужчины, что с них возьмёшь.

Ну и как прикажете всё это надевать?

С чулками и сорочкой я управилась, с нижней юбкой тоже, но дальше начались трудности. Для корсета, пусть и лёгкого, нужны удобные руки, заводящиеся за спину, а у меня таких не было. Нет, конечно, я могла попробовать изменить суставы и вывернуть плечи в обратную сторону, однако экспериментировать не хотелось, мало ли что там может замкнуть. После неудачи с шестым пальцем я не решалась вмешиваться в природу.

Возилась долго. Крутилась и так, и эдак, уже решила, что не стану затягивать, пусть болтается на талии поясом. Завяжу спереди, а после переверну.

Но тут раздался стук в дверь.

– Дорогая, это я, – Коршунов всё ещё поддерживал легенду супружеской пары.

Отлично! Он-то мне и нужен.

Открыв дверь, я затянула его внутрь.

– Требуется ваша помощь, Владимир Александрович, – я указала на корсет.

Поручик прошёлся по мне взглядом и покраснел. Ух ты, никогда такого не видела.

– Ваш Мясник забыл прислать горничную, – пожаловалась я, чтобы переключить его на проблему.

– Мы решили, что не стоит привлекать лишнего человека, – буркнул Коршунов.

Ах вот оно что! Значит, это вы виноваты, голубчик? Ну что ж, тогда вам придётся исправлять свой косяк.

Я развернула корсет и повернулась спиной к поручику.

– Ну раз не стоит привлекать, затяните сами! – велела безапелляционно.

Коршунов промедлил с пару мгновений, затем осторожно взялся за концы завязок. Действовал медленно, осторожно. В какой-то момент мне даже показались, что у него слегка подрагивают пальцы.

Надо же, какой нежный.

Когда с корсетом было покончено, мы принялись за платье. Всё время облачения я стояла спиной к поручику. Сейчас мне очень не хватало зеркала, чтоб оценить выражение коршуновского лица. А так слышала лишь тяжёлое дыхание и шелест материи.

– Всё, – наконец хрипло произнёс он, закончив с рядом пуговок.

– Благодарю вас, – улыбнулась я, оборачиваясь.

Поручик уже шёл к выходу, с неестественно прямой спиной, по-строевому чеканя шаг. Я проследила, как он вышел за дверь, чересчур аккуратно закрыл её, а потом стоял снаружи с минуту или две. Лишь после заскрипели под его ногами половицы.

А с моих губ не сходила довольная улыбка всё то время, пока я занималась волосами. Конечно, пришлось повозиться, чтоб сделать пару локонов у лица, не применяя раскалённых щипцов. Боюсь, хозяин гостиницы расстроится, как много сахара использовали приличные с виду гости, а может, решит, что мы его украли. Я не печалилась о его мнении, главное, что причёска вышла более-менее соответствующей сегодняшней моде, а сладкий сироп хорошо удерживал форму спиралек.

С волосами я возилась не меньше часа, к этому времени Коршунов уже успел переодеться в скромного кучера. Ямская шляпа с высокой тульей и широкими полями была надвинута на лоб, так что глаз я разобрать не могла. Показалось, поручик не желает демонстрировать мне выражение своего лица.

Ну и ладно. Настроения мне это не испортило. Я ещё помнила его хриплый голос, дрожащие пальцы и негнущуюся спину – для улыбки этого вполне достаточно.

Он поставил лесенку и ждал, когда я поднимусь. Вообще-то, я рассчитывала на руку и недовольно поджала губы. Ох уж эти нежные мужчины.

В карете меня уже ждала компаньонка. С бледным лицом, слишком скромным видом, говорившим о нужде в деньгах. В чёрном чепце и чёрной накидке поверх тёмного платья. Я решила, что она не так давно овдовела.

– Здравствуйте, Александра Петровна, – произнесла женщина слегка дрогнувшим голосом, отчего я решила, что она волнуется. – Меня зовут Прасковья Осиповна Вындомская. Я ваша дальняя родственница, рада, что мы наконец познакомились.

– Я тоже очень рада, Прасковья Осиповна.

Компаньонка мне понравилась. Она сразу перешла к делу и проявила понимание ситуации. Мясник не зря платит ей деньги. Или за какое вознаграждение она согласилась присмотреть за мной?

По пути мы обсудили основные детали, чтобы не путаться в показаниях. И я узнала, что Прасковья Осиповна действительно недавно овдовела.

По легенде её покойный супруг являлся моим троюродным дядей, кузеном моей матушки, тоже безвременно почившей от чахотки. И пока мой братец колесит по Виленской губернии, занимаясь мужскими делами, в которые, разумеется, он и не думает меня посвящать, троюродная тётушка составляет мне компанию.

И к Грабовским она меня везёт, потому что это самое приличное семейство в округе. Мне будет полезно с ними познакомиться. Как хорошо, что в эту пору было принято являться без приглашения даже к незнакомым людям. А им не приходило в голову не пустить на порог незваных гостей.

Правда над тем, чтобы остаться в Залесье на несколько дней, ещё придётся поработать. Но я была уверена, что-нибудь обязательно придумаю.

Шпионка я или кто, в конце концов?

5

На восемь вёрст до Залесья ушло почти два часа. Дожди в начале сентября здесь бывают не часто, как рассказала мне Прасковья Осиповна, но дорога после них сохнет куда как медленнее, чем летом.

Грязь цеплялась к колёсам и разлеталась в стороны, билась о днище и стенки, создавая определённый ритм. Приходилось повышать голос. Вскоре мы обе устали и дальше ехали молча. Да в общем всё было понятно, с легендой Прасковью Осиповну ознакомили, она обещала не подвести.

Больше всего меня возмущал Коршунов, который ехал себе на козлах и не обращал на меня внимания, даже не оглянулся. Ни когда экипаж колыхало на ухабах, ни когда колесо попало в глубокую яму, и я прикусила язык, от неожиданности громко вскрикнув.

Поручик будто погрузился в свои мысли и не обращал внимания ни на что вокруг. То ли не хотел меня видеть, после того как рассмотрел слишком много. То ли сердился, что придётся оставить меня одну.

Я тоже заскучала. И когда наконец широкая аллея сделала поворот, и перед нами предстал господский дом, я принялась жадно его разглядывать.

Он был похож и одновременно резко отличался от тех усадеб, что я уже видела. Выдержанный в строгих правилах классицизма – ни одной лишней детали, ни одного завитка, сплошная симметрия, куда ни глянь. Он словно прямо говорил: здесь всё подчинено правилам, никаких отступлений.

Второй этаж занимал лишь центральную часть здания, а над ним – нависал фронтон с круглым окном, похожим на глаз. Казалось, он следит за приезжающими.

Впечатление сглаживала красивая двухмаршевая лестница с белой балюстрадой, добавляя немного озорства этой каменной громадине.

Копыта застучали по гравию, экипаж обогнул подъездной круг и остановился напротив крыльца, на которое сразу же вышел дворецкий в чёрном фраке.

Однако Коршунов успел первым. Он подставил лесенку и на этот раз подал мне руку.

– Смотрите же, вы обещали! Каждое утро в восемь жду вас в конце аллеи, – он махнул головой, указывая направление.

– Не беспокойтесь, – прошептала я.

Большего сказать не успела. Дворецкий уже подошёл к нам.

Поручик в лучших традициях нанятых возниц поклонился нам с Прасковьей Осиповой, забрался на козлы и, чмокнув губами, послал лошадей рысью.

– Стойте! Куда же вы?! – растерянно кричала я ему в след.

Растерянность была натуральной. Мы, конечно, обсуждали, что Коршунов уедет. Но он увёз весь мой гардероб!

– Ох уж это ямщицкое сословие, – сочувственно произнёс дворецкий. – Как прикажете о вас доложить.

– Александра Петровна Сиверцева и Прасковья Осиповна Вындомская, – начала играть свою роль компаньонка.

Внутри дома было холодно. Я поёжилась, жалея, что не взяла какой шали. Дворецкий вёл нас через комнаты, где на стенах висели портреты предков в сарматском стиле – в кунтушах, красных сапогах, с саблей на поясе. У одного из панов я разглядела воеводскую булаву. Грабовские не зря гордились славной историей своих предков. И сразу же познакомили с ней гостий.

В зале, куда нас привели, стояла массивная мебель, одну из стен украшал потемневший от времени гобелен. Ни цветов, ни кружевных салфеток или легкомысленных акварелей – нарочитая строгость этого дома меня угнетала.

Оставив нас в гостиной, дворецкий удалился. Спустя пару минут пришёл хозяин.

Выглядел Казимир Станиславович импозантно: прямой и стройный, без толики лишнего жира, с тёмными волосами и сединой на висках.

Приветствовал нас настороженно. Вроде и улыбался, но глаза оставались холодными. Оценивал, анализировал и делал выводы. К счастью, нас он воспринял вполне безобидными, желающими приобщиться к величию его семьи.

Я изо всех сил старалась изображать кроткую барышню в поисках дальней родни.

– Радкевичи, говорите? Как же, наслышан, – Казимир Станиславович улыбнулся и замолчал, предоставляя нам самим додумывать, правда он что-то слышал о моих мнимых родственниках или сказал это из вежливости.

– После смерти матушки мы с братом решили во что бы то ни стало приехать в Вильну. Ведь родные люди – это так важно. Особенно, когда больше никого не осталось.

Я смотрела на Грабовского большими наивными глазами, часто вздыхала и пару раз даже приложила платочек к глазам. Может, я и переигрывала, но Казимир Станиславович уже составил обо мне мнение, моя бесхитростность и сентиментальность входили в этот образ.

– Мы с Алексеем думали, поехать на поиски могилы нашей бабушки. Но брату всё некогда, он сильно занят. Велел познакомиться с достойными людьми, и Прасковья Осиповна сразу назвала вашу фамилию. Так и сказала, достойнее графов Грабовских в округе ни за что не найдёшь.

– Когда ваш брат думает к вам присоединиться? – поинтересовался Казимир Станиславович, польщённый высокой оценкой.

– Алексей не сказал. Он уехал утром, оставил мне записку, чтобы я не скучала. Но о возвращении не упоминал. В прошлый раз его не было несколько дней, как сейчас сложится – даже не знаю.

О политике со мной граф не заговаривал. Оно и понятно – чего с глупой барышней говорить. Вот с её братом – это другое дело. Хотя на всякий случай дал понять, что лоялен российскому государю.

Мы как раз говорили о Петербурге, когда в доме раздались голоса и затем стук каблуков по паркету. В залу влетел молодой улан в мундире, с подкрученными усами и волосами, уложенными красивыми волнами. Они смотрелись до того естественно, что мне захотелось спросить, чем он пользуется. Явно не сладкой водой.

Он сразу подошёл ко мне, остановился в паре шагов, эффектно щёлкнул каблуками и склонился. А затем дерзко, но при этом осторожно взял мою руку и коснулся губами тыльной стороны.

Я ахнула от неожиданности, Прасковья Осиповна – от возмущения.

– Адам, – прорычал Казимир Станиславович, хотя в слове не было ни одного рычащего звука.

– Простите, панна, мою дерзость, но когда ещё встретишь барышню из самой столицы, – Адам Казимирович белозубо усмехнулся.

А его взгляд говорил, что улан не испытывает ни малейшего раскаяния.

6

«Значит, вы любите нарушать правила, юноша», – сделала я мысленную пометку.

- Позвольте представить вам, Александра Петровна, моего сына Адама, он служит в уланах и воспитан лучше, чем стремится показать.

- Папенька мне льстит, Александра Петровна, - младший Грабовский пользовался своим обаянием на всю катушку.

Такие должны привлекать юных барышень – дерзкий, остёр на язык, к тому же в мундире. Девушкам нравятся военные. Я сделала вид, что польщена и смущена одновременно, думаю, именно такой реакции от меня и ждали.

Адам занял кресло напротив, закинул ногу на ногу и поинтересовался:

- Как дела в столице? Император всё ещё верит в Тильзит?

- Адам! – на этот раз Казимир Станиславович рассердился по-настоящему.

- Прошу прощения, - на этот раз сын понял.

А я задумалась – для чего тогда было то страшное рычание, оказавшееся совсем не страшным? Похоже, очередная демонстрация для недалёкой барышни. Зато сейчас младший Грабовский затронул животрепещущую тему. И как бы мне ни хотелось её продолжить, исподволь выведав истинные взгляды обоих, приходилось играть свою роль.

- Мне не ведомы мысли и устремления государя, - произнесла я, едва не зевая, - то вам мог бы рассказать мой брат. Жаль, что его нет сейчас с нами.

- Ваш брат? – напрягся Адам Казимирович.

- Алексей Петрович отсутствует по делам, изволил Александру Петровну одну оставить, - за меня пояснил граф.

- Надеюсь, вам не придётся скучать в нашем обществе, панна, - младший Грабовский мгновенно расслабился.

Беседа потекла ровнее. Хозяева интересовались столичным светом, гостьи – Виленской жизнью. Я раздумывала, как намекнуть на Суворова, чтобы выведать хранителя ключа.

И в этот миг из дальней залы донеслась музыка. Фортепьяно. Мелодия была нежной и очень печальной. Я заслушалась. А затем перевела взгляд на Казимира Станиславовича и заметила, как он досадливо скривился.

Надо же. И почему нам не нравится музыка?

- Опять Ядя тоску нагоняет, - озвучил причину Адам.

Похоже, у отца и сына она была одной на двоих.

Мелодия оборвалась резко, словно невидимый пианист рассердился и ударил по клавишам ладонью. А минуту спустя в гостиную вошла девушка.

Брюнетка в отца и брата, с большими выразительными глазами цвета янтаря и аристократически бледной кожей. Очень красивая. Она куталась в шаль, стискивая её на груди тонкими изящными пальцами.

Увидев меня, она замерла, словно наткнулась на невидимую стену. Эмоции на её лице мелькали так ярко, что всё было понятно без слов. Она не желала общаться с посторонними, да и с родственниками тоже. И с удовольствием ушла, если бы не правила приличия. Их барышня не могла нарушить.

- Добрый день, - на её губах мелькнула бледная улыбка, лишь дань вежливости.

- Ядвига, голубушка, - голос графа звучал слегка нервно, - познакомься с гостьей из Петербурга, Александра Петровна Сиверцева, и её тётушка – Прасковья Осиповна Вындомская. А это моя дочь – Ядвига.

- Очень приятно, Александра Петровна, - во взгляде девушки появился интерес. По крайней мере, больше она не испытывала досады от моего появления.

Я заметила, что говорит Ядвига совершенно без акцента, в то время как в произношении её отца и брата чувствовалось, что хоть они и прекрасно изъясняются на русском, но думают на другом языке. Кстати, Прасковья Осиповна также иногда спотыкалась на некоторых словах, словно вспоминала, как они произносятся.

- Мне тоже очень приятно, Ядвига Казимировна, - сказала я чистую правду. – Это вы только что играли?

- Да.

- У вас чудесно выходит, и мелодия такая трогающая за душу.

- Наша Ядя умеет нагонять тоску, - хмыкнул Адам, удостоившись гневного взгляда сестры.

- А мне понравилось, - я почувствовала меж ними напряжение и подсознательно встала на сторону Ядвиги.

Только после подумала, что если ключ хранит Адам? Пожалуй, стоит быть к нему помягче. Да и к старшему Грабовскому тоже. Всё-таки я приехала по делу, нужно думать о нём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.